

minibo**OK**

ГИ ДЕ МОПАССАН

ПАРИЖСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Москва
2016

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
М78

Перевод с французского

Оформление серии *A. Старицова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Ветер»
художника Жана Бера (1849–1935).

Мопассан, Ги де.

М78 Парижское приключение : [перевод с французского] / Ги де Мопассан. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-88985-3

Зарисовки страсти с натуры, сценки из жизни и яркие
образы — в новеллах непревзойденного мастера, считав-
шего, что «весь смысл жизни — в женщине, в любви...».

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-88985-3   ООО «Издательство «Э», 2016

ПОЕЗДКА ЗА ГОРОД

Позавтракать в окрестностях Парижа в день именин г-жи Дюфур, которую звали Петронилла, было решено уже за пять месяцев вперед. А так как этой увеселительной поездки ожидали с нетерпением, то в это утро все поднялись спозаранку.

Г-н Дюфур, заняв у молочника его повозку, правил лошадью собственоручно. Двухколесная тележка была очень чистенькая; у нее имелась верх, поддерживаемый четырьмя железными прутьями, и к нему прикреплялись занавески, но их приподняли, чтобы любоваться пейзажем. Только одна задняя занавеска развевалась по ветру, как знамя. Жена, сидя рядом с мужем, так и сияла в шелковом платье невиданного вишневого цвета. За нею на двух стульях поместились старая бабушка и молоденькая девушка. Виднелась, кроме того, желтая шевелюра какого-то малого: сидеть ему было не на чем, и он

растянулся на дне тележки, так что высовывалась одна его голова.

Проехав по проспекту Елисейских полей и миновав линию укреплений у ворот Майо, принялись разглядывать окружающую местность.

Когда доехали до моста в Нейи, г-н Дюфур сказал:

— Вот наконец и деревня!

И по этому сигналу жена его стала восхищаться природой.

На круглой площадке Курбевуа они пришли в восторг от широты горизонта. Направо был Аржантей с подымавшейся ввысь колокольней; над ним виднелись холмы Саннуа и Оржемонская мельница. Налево в ясном утреннем небе вырисовывался акведук Марли, еще дальше можно было разглядеть Сен-Жерменскую террасу; прямо против них, за цепью холмов, взрытая земля указывала на местоположение нового Кормельского форта. А совсем уж вдали, очень далеко, за равнинами и деревнями, виднелась темная зелень лесов.

Солнце начинало припекать; пыль то и дело попадала в глаза. По сторонам дороги развертывалась голая, грязная, зловонная равнина. Здесь словно побывала проказа, опустошив ее, обглодав и самые дома — скелетообразные остатки полуразрушенных и покинутых зданий или недостроенные из-за невыплаты денег под-

рядчикам лачуги, простиравшие к небу четыре стены без крыши.

Там и сям из бесплодной земли вырастали длинные фабричные трубы; то была единственная растительность этих гнилостных полей, по которым весенний ветерок разносил аромат керосина и угля с примесью некоего другого, еще менее приятного запаха.

Наконец вторично переехали через Сену, и на мосту все пришли в восторг. Река искрилась и сверкала; над нею подымалась легкая дымка испарений, поглощаемых солнцем; ощущался сладостный покой, благотворная свежесть; можно было наконец подышать более чистым воздухом, не впитавшим в себя черного дыма фабрик и миазмов свалок.

Прохожий сообщил, что эта местность называется Бе-зонс.

Экипаж остановился, и г-н Дюфур принял ся читать заманчивую вывеску харчевни: «Ресторан Пулена, вареная и жареная рыба, отдельные кабинеты для компаний, беседки и качели».

— Ну, как, госпожа Дюфур, устраивает это тебя? Решай!

Жена, в свою очередь, прочитала: «Ресторан Пулена, вареная и жареная рыба, отдельные кабинеты для компаний, беседки и качели». Затем она внимательно оглядела дом.

То был деревенский трактир, весь белый, построенный у самой дороги. Сквозь растворенные двери виднелся блестящий цинковый прилавок, перед которым стояли двое одетых по-праздничному рабочих.

Наконец г-жа Дюфур решилась.

— Здесь хорошо, — сказала она, — и к тому же отсюда красивый вид.

Экипаж въехал на широкую, обсаженную высокими деревьями лужайку позади трактира, отделенную от Сены лишь береговой полосой.

Все слезли с тележки. Муж соскочил первым и раскрыл объятия, чтобы принять жену. Подножка, прикрепленная на двух железных прутьях, была помещена очень низко; чтобы до нее дотянуться, г-же Дюфур пришлось показать нижнюю часть ноги, первоначальная стройность которой теперь исчезла под наплывом жира, наползавшего с ляжек.

Деревня уже начала приводить г-на Дюфура в игривое настроение: он проворно ущипнул супругу за икры и, взяв ее под мышки, грузно опустил на землю, точно огромный тюк.

Она похлопала руками по шелковому пластью, чтобы стряхнуть пыль, и огляделась вокруг.

Это была женщина лет тридцати шести, дородная, цветущая, приятная на вид. Ей было трудно дышать от слишком тугого затянутого кор-

сета; колышущаяся масса ее необъятной груди, стиснутая шнурковкой, подымалась до самого двойного подбородка.

За нею, опершись рукою о плечо отца, легко спрыгнула девушка. Желтоволосый малый стал одною ногой на колесо, вылез сам и помог г-ну Дюфуру выгрузить бабушку.

После этого распрягли лошадь и привязали ее к дереву, а тележка упала на передок, уткнувшись оглоблями в землю. Мужчины, сняв сюртуки и вымыв руки в ведре с водою, присоединились к дамам, уже разместившимся на качелях.

М-ль Дюфур пробовала качаться стоя, одна, но ей не удавалось придать качелям достаточный размах. Это была красивая девушка лет восемнадцати-двадцати, одна из тех женщин, при встрече с которыми на улице вас словно хлестнет внезапное желание, оставив до самой ночи в каком-то смутном беспокойстве и чувственном возбуждении. Она была высокая, с тонкой талией и широкими бедрами, с очень смуглой кожей, с огромными глазами и черными как смоль волосами. Платье отчетливо обрисовывало тугие округлости ее тела, и их еще более подчеркивали движения бедер, которые она напрягала, чтобы раскачаться. Ее вытянутые руки держались за веревки над головой, и грудь плавно вздымалась при всяком толчке, который она давала качелям. Шляпа, сорван-

ная порывом ветра, упала позади нее. Качели мало-помалу приобрели размах, открывая при каждом подъеме ее стройные ноги до колен и овеяя лица обоих улыбавшихся мужчин дуновением ее юбок, пьянящим сильнее винных паров.

Сидя на других качелях, г-жа Дюфур монотонно и непрерывно стонала:

— Сиприен, подтолкни меня! Подтолкни же меня, Сиприен!

Наконец муж подошел к ней, засучив рукава, словно для нелегкой работы, и с бесконечным трудом помог ей раскачаться.

Вцепившись руками в веревки, вытянув ноги, чтобы не задевать за землю, она наслаждалась убаюкивающим движением качелей. Формы ее непрестанно трепетали от толчков, как желе на блюде.

Но размах качелей увеличивался, у нее начинала кружиться голова, и ей стало боязно. Опускаясь, она всякий раз издавала пронзительные крики, так что сбежались окрестные мальчишки, и она смутно видела перед собою, над садовой изгородью, их шаловливые лица, гrimасничавшие от смеха.

Подошла служанка, и ей заказали завтрак.

— Жареной рыбы из Сены, тушеного кролика, салат и десерт, — солидно произнесла г-жа Дюфур.